

Содержание

1. Подолог, обрушивший империю.....	9
2. От Вимиейру до Лиссабона	55
3. Изощенный террор.....	131
4. Повседневная жизнь диктатора.....	163
5. Два года мертв, но жив	197

Подолог, обрушивший империю

Португальская империя пала из-за человека по имени Аугушту Илариу*, простого и скромного подолога. Он жил, ни на шаг не отступая от своего привычного распорядка, до утра 3 августа 1968 года — года, полного событий, ничуть не взволновавших дремлющую Португалию.

Суббота, 3 августа, казалась обычным днем: солнце взошло в пять утра, в газетах писали о Пражской весне, Том Джонс объявил о концерте в Лиссабоне, заработала автоматическая телефонная линия между столицей и Фару, самый пожилой португальский эмигрант приехал из Бразилии, чтобы погостить на родине, в Понта-Делгада состоялись похороны доктора Франсишку Луиша Тавареша, одного из основателей Республики. Командование вооруженных сил в Португальской Гвинее объявило об ожесточенных столкновениях: погибло 18 повстанцев и 5 солдат португальской армии. В газетах появились сообщения и о других павших военных: это были фурьер Антониу ду Нашименту Пиреш Кинташ из Брагансы и солдат Алвару Альберту Консейсан Тейшейра из Лиссабона, погибшие в Мозамбике, Эрнешту Жезуш Дуарте из Вила-ду-Конди и Раул Жоаким Кошта из Лиссабона, нашедшие свою

* В данном издании мы старались следовать современным рекомендациям для воспроизведения португальской фонетики в русском языке, за исключением устоявшихся имен и названий. — *Прим. ред.*

гибель в Анголе, и командир Андре Родригиш Пинту из Резенди, убитый в Гвинее.

В тот день примерно в восемь часов утра на Руа-ду-Карму в Лиссабоне остановился служебный автомобиль, чтобы забрать «элегантного, высокого и худого» мужчину. Этим человеком был Аугушту Илариу, личный подолог председателя Совета министров, унаследовавший эту должность от отца. Его отец был родом из Визеу и учился в той же школе, что и Салазар. Он оставил сыну в наследство врачебную практику и ценного клиента. С Аугушту у Салазара установились такие же близкие отношения: подолог стал для него человеком, с которым можно было и поболтать, и помолчать. Молчать приходилось затаив дыхание — в те моменты, когда Аугушту обрабатывал его пальцы ножницами.

Подолог и диктатор — это были непростые отношения. Пока Аугушту вычищал грязь из-под ногтя его большого пальца, Салазар то предавался воспоминаниям молодости, то задумывался об их тайной круговой поруке. Отношения старого диктатора со своим доктором можно было назвать постоянными — они виделись каждые три недели. Регулярность этих встреч объяснялась не прихотью Салазара, а его физической потребностью. Салазар сломал правую ногу еще в молодости, но так и не восстановился. Его кости стали хрупкими, а на ступнях образовывались мозоли, причиняя боль. По этой причине он носил очень мягкие и тонкие, можно сказать, детские ботинки, а противники режима с некоторым презрением называли его *Votas**.

Автомобиль сорвался с места, но вскоре застрял в пробке — люди ехали к морю, на пляжи Оэйраша, Эшторила и Кашкайша. Прибыв в форт Санту-Антониу-да-Барра

* Ботинки (*порт.*)

в Эшториле, Аугушту Илариу поприветствовал охранников, затем толкнул окованную железом деревянную дверь и на мгновение задержался в холле, чтобы рассмотреть азулежу* на стенах с иллюстрациями к поэме «Лузиады» великого Луиша де Камозэнса. Он поднялся по лестнице на первый этаж, затем на второй, там повернул направо и пересек длинный коридор со сводчатым потолком, объединявший два крыла форта. В помещении, известном как Ноев ковчег, Салазар обычно читал книги и газеты, обедал и принимал посетителей. Аугушту открыл четвертую дверь слева и вошел в разделенную аркой большую комнату с выкрашенными белой краской шкафами у каждой стены: эта комната называлась гардеробной. Справа был уголок, где дона Мария де Жезуш Казтану Фрейре, экономка Салазара, вошедшая в историю, готовила еду для премьер-министра. Аугушту положил свой чемоданчик и начал готовить инструменты для лечебного педикюра.

В этот момент на третьем этаже Салазар надевал свой белый льняной костюм. Выйдя из комнаты, он проследовал по короткому коридору, спустился на два лестничных пролета, пересек «Ноев ковчег», вошел в комнату, где ждал Аугушту, поприветствовал его и попросил передать ему газеты, присланные из председательского дворца. Среди газет были *The Daily News* и *The Ball State Daily*, хотя его излюбленным чтением на протяжении десятилетий оставалось национальное издание *Diário de Notícias* — именно ему он некогда дал свое первое интервью в жизни. Из-за бюрократических проволочек документы председателя Совета министров не были готовы ко времени выезда

* Азулежу (*порт.* azulejo) — традиционные португальские изразцы для украшения наружных и внутренних стен.

машины из столицы, так что в форт они прибыли только поздним утром. В любом случае, было некогда говорить о музыке, театре или представлениях в Сан-Карлуш*, как это происходило обычно.

Аугушту Илариу повернулся и принялся споласкивать руки в настенной раковине, думая о том, как вылечить искривление большого пальца, натоптыши, мозоли, грибок, бородавки и вросшие ногти председателя, как массировать его больную стопу — изъян, о котором знала только его семья и который держали в строгом секрете. Вдруг Аугушту услышал грохот и тотчас же оглянулся. Салазар, имевший обыкновение, садясь, плюхаться с размаху, недооценил расстояние до деревянного шезлонга с полотняной спинкой. Под его тяжестью полотно подалось, и Салазар ударился головой об пол. На глазах у Аугушту он на полу корчился от боли.

Подолог сильно встревожился из-за случившегося, а диктатор, напротив, казался спокойным. Аугушту в панике помог пострадавшему подняться и осторожно усадил его на стул. Отметив, какое у председателя бледное лицо, он предложил позвать на помощь, но Салазар отрицательно покачал головой.

Через несколько минут диктатор решил, что будет лучше держать произошедшее в тайне. Он потребовал, чтобы подолог никому не рассказывал об этом. Поколебавшись, Аугушту согласился и протянул Салазару стакан подслащенной воды, но тот снова жестом отказался. Оставив газеты на полу, Салазар молча ждал, пока Аугушту закончит свою работу.

* Национальный театр Сан-Карлуш — оперный театр в Лиссабоне, основанный в 1793 году.

Только один человек заметил, что произошло нечто странное, — экономка дона Мария. Но она подумала, что в доме просто хлопнула дверь. На всякий случай она все же спустилась вниз и сразу поняла, что председатель сильно ударился головой. В ужасе она попыталась убедить его немедленно вызвать врача, но Салазар снова отказался. Через пять дней предстоял плановый визит доктора Эдуарду Коэлью, приходившего раз в две недели, и премьер-министр не видел никаких причин торопить врача.

* * *

Холодок ужаса пробежал по всему его телу. Он почувствовал, что внезапно постарел. Он привык тщательно себя контролировать, однако на этот раз, похоже, телесная немощ могла взять верх над силой духа. Ему было 79 лет, но, помимо возраста, на него давило и другое тяжкое бремя, которое он нес с 1932 года, — власть. Его тайной силой была невидимость. Его здоровье не привлекало внимание до того самого проклятого августа 1968 года. Салазар управлял империей из чего-то вроде одиночной кельи в Сан-Бенту*, которую он почти никогда не покидал. «Для меня политика — это работа», — говорил Салазар, когда его приглашали посетить подвластные ему обширные территории по всему миру. Даже Лиссабон казался необъятным Салазару, любившему фамильный дом в селекции Вимиейру, огород, виноградник, прогулки, праздник Вознесения, который он никогда не пропускал. Но если что и казалось ему совершенно непозволительным, так

* Дворец Национального собрания Сан-Бенту — резиденция португальского парламента в Лиссабоне. Построен в XVII в. Позади здания расположен особняк, который с 1938 г., когда в него въехал Салазар, стал резиденцией премьер-министра.

это то, что дом, стены и поля Вимиейру, расположенного в муниципалитете Санта-Комба-Дан округа Визеу, приходили в запустение так же, как и его империя. С прохудившейся крыши белого здания осыпалась черепица, сад за домом дичал и зарастал бурьяном, а у него не было времени заняться родовым гнездом, потому что приходилось думать о том, как отразить нападения в Анголе, защитить мирных жителей в Мозамбике, изловить партизан в Португальской Гвинее, остановить студенческие акции протеста. Не говоря уже о непримиримых внутренних противниках и эмигрантах, которые разоблачали его во всех уголках Европы, не понимая миссии, возложенной на него судьбой. Миссии спасти бывшую Португальскую империю от распада: «Одна родина, единая и неделимая», как любил он повторять в своих выступлениях по радио.

Объектом поклонения стал не его образ, а его имя. Он был тишиной, тайной, невидимкой, он был подобен Богу и стоял лишь на одну ступень ниже верховного небесного владыки. Ему нельзя было себя показывать. У него не было ни возраста, ни тела, ни чувств. Он не говорил прямо, а вещал как оракул, иносказаниями и символами, и то, что он говорил, нужно было истолковывать и переводить на язык простых смертных. Как и Бог, он каждому назначал его судьбу: богатые должны были оставаться богатыми, бедные — мириться со своей долей, оппозиционеры — подвергаться репрессиям, которые он называл «своевременной встряской» и «предостережением, призывом не идти дальше по неверному пути». Конечно, он допускал возможность прощения, но лишь на словах, а не на деле, дабы не разорвать паутину непреложных принципов Нового государства — своего политического и организационного детища, основанного на двух незы-

блемых понятиях: корпоративизме и колониализме. Этой паутиной была система строгая и сдержанная, незаметная и непроницаемая, несокрушимая и непреклонная; система, возвышающая роль государства, одного из старейших в мире, роль Церкви — одной из самых сильных и традиционных, и роль исторического пути — одного из самых значительных на всем земном шаре.

Бессмертие этой системы было в его руках. И тело, разумеется, не могло его предать, думал он, любуясь закатом с террасы форта Санту-Антониу-да-Барра в Эшториле и отмечая для себя, что империя по-прежнему на своем месте, такая же непоколебимая, как и он сам, за пределами горизонта открытий и неизведанного океана, который его предки пересекали безо всякого страха. Он представлял в уме крошечные зернышки на карте — остановки на морском пути в Индию: Мадейра, Порту-Санту, Азорские острова, Кабо-Верде, Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Кабинда, Ангола, Мозамбик, Гоа, Даман и Диу, Португальский Тимор и, наконец, Макао.

Все замерло в его мыслях: настоящее, прошлое, будущее. Он был мозгом Португалии, он помнил все остановки кругосветного путешествия по Индийскому пути, хотя никогда не совершал его. Ему казалось, что это он открыл архипелаг Кабо-Верде, завоевал Гвинею и Анголу, достиг Гоа и Малакки, это он торговал рабами и пряностями, это он был богатым адмиралом, бедным кормчим, повелителем бурь, головорезом, жертвой крушения империи. Он мечтал перевозить на кораблях рабов из Ажуды, сопровождать на работу шахтеров из Дондо, сборщиков кофе из Уиге и какао из Сан-Томе, лесорубов из Гвинеи, рыбаков из Кабо-Верде, рабочих из шахт Кабинды, алмазоискателей из Луанды, йогов из Гоа, торговцев из Малакки,

топасов* из Тимора, игроков и сутенеров из Макао. И если в этих фантазиях среди мангровых зарослей и лиан, лесов и змей ему встречался кто-нибудь из населявших форт Санту-Антониу-да-Барра, какой-нибудь ветеран войны, Салазар неизменно сокрушался о потере Португальской Индии — это было единственным подлинным сожалением всей его жизни.

В ночь на 22 июля 1954 года, когда индийские солдаты и сепаратисты заняли Дадру, колониальный механизм дал сбой. Две недели спустя пал Нагар-Хавели. Была сформирована проиндийская администрация, а сама территория вошла в состав Индии только в 1961 году. Это было первое неслыханное оскорбление, нанесенное потомкам Генриха Мореплавателя. Салазар долго хранил фотографию человека по имени Анисету ду Розариу, который был сержантом небольшого индо-португальского полицейского участка в Дадре и в момент восстания пожертвовал собой — ради всех детей империи. Он стал первым героем деколонизации. Салазар воспринимал эту потерю как проклятие: лишиться даже одного порта на Дороге специй означало для него разрушить весь маршрут, связывавший португальские владения от метрополии до заморских колоний. Об этом говорил и представитель Лиссабона на процессе в Международном суде ООН в 1960 году, отстаивая принадлежность португальскому государству территорий Дадры и Нагар-Хавели.

Без этих маленьких бусин — некогда покоренных земель — четки лузитанского христианского мира казались порванными, а год спустя они потеряли и форт Сан-Жуан-

* Топасы — потомки от браков португальцев с местными жителями Восточного Тимора, говорившие на австронезийском языке тетум.

Батишта-де-Ажуда, без особых усилий аннексированный Дагомеей, которая позже стала Бенином. Поэтому Салазар, несмотря ни на что, стоял насмерть и удерживал оставшуюся часть Индийского пути, чтя священную миссию, возложенную Богом на португальских христиан, дабы они вывели заблудшие народы из бездуховной тьмы анимизма и научили их истинной вере. И хотя он не сомневался, что рано или поздно Бог призовет его к себе, он хотел жить вечно благодаря своей империи: «Я хотел бы насладиться зрелищем того смятения, в которое впадет страна, когда меня не станет». Он был существом высшего порядка, как Бог, Богоматерь Фатимская или Иисус, сошедший на землю; он был всем и ничем, бесконечностью и могуществом. Он воплощал в себе и дух нового португальского Средневековья, встроенного в контекст XX века, и необъятную ширь Атлантического океана, и морскую связь между Европой и Востоком, и вызов неизведанным землям, и гордый блеск открытий и завоеваний. Господь Вседержитель положил руку Свою на плечо Генриха Мореплавателя и возложил на него задачу покорять океаны. Итак, земледельческому народу Португалии, малочисленному и незначительному, предстояло дать христианское имя и христианское будущее огромному миру — миру, простиравшемуся за пределы мыса Доброй Надежды, теплых морей Индии и холодных морей Китая.

* * *

Аугушту Илариу был охвачен смятением и страхом. Вернувшись в Лиссабон, он взял ручку, бумагу и написал: «Достопочтенный господин Председатель, в состоянии глубокой тревоги и растерянности я покинул сегодня Вашу резиденцию. Я молю Бога, господин Председатель, чтобы

такое опасное падение не имело никаких последствий. Выражаю Вам свое глубочайшее уважение и надеюсь, что Вы находитесь в полном здравии. Извините, если потревожил».

Но легче ему от этого не стало, и, терзаемый дурными предчувствиями, он вернулся в форт, чтобы лично передать конверт, который пролежал всю ночь в атриуме на первом этаже. В десять часов утра следующего дня Антониу да Силва Телеш, начальник секретариата Салазара, увидел конверт, вскрыл его и прочитал письмо. В то время в президиуме Совета министров не было управляющего делами. Салазару помогали только два секретаря — Силва Телеш и Анселму Кошта Фрейташ, которые каждый день поочередно ездили из Лиссабона в Эшторил, чтобы разбирать корреспонденцию.

Анселму Кошта Фрейташ был молодым предприимчивым человеком. Цвет его глаз менялся от освещения — от голубого в пасмурную погоду до зеленого в солнечную. Ему едва сравнялось 30 лет, но в шевелюре уже виднелась проседь. Из семи детей в семье он был самым младшим и уже в три года лишился матери. Несколько дней назад, 23 июля 1968 года, он женился на Даниэле, дочери майора Сарсфилда Родригиша (которого Салазар хорошо знал, потому что несколько раз приказывал его арестовать). Церемонию бракосочетания проводил старший брат Анселму — Мануэл, бывший священником. Именно Анселму первым заметил некоторые загадочные изменения в поведении диктатора после того, как тот упал.

Письмо от подолога Антониу да Силвы Телеша читал затаив дыхание. Как только Салазар появился в кабинете, распространяя слабый запах бальзама, Антониу сразу спросил:

— Как вы себя чувствуете, господин Председатель? Я только что узнал из письма Илариу, что вы пострадали при падении!

Салазар пожал плечами и ответил:

— О, господин Илариу мне написал? Да, это правда. Я собирался сесть в кресло, но оно неудачно стояло, и я промахнулся — упал на пол, ударился затылком. Чувствую некоторое онемение в теле, мажу больное место специальным кремом, и мне уже лучше.

И Салазар тут же отправил ответное письмо Аугушту Илариу: «Похоже, никаких других последствий падения, кроме ушиба, нет. Большое спасибо».

На самом деле головная боль мучила его, и довольно сильно. Поэтому 6 августа Салазар принял своего лечащего врача Эдуарду Коэлью, который провел быстрый неврологический осмотр и не обнаружил никаких «подозрительных» изменений. Несмотря на это, доктор был встревожен. Лицо его вытянулось, рот превратился в нитку, а на широком лбу появились неожиданные морщины — признак внутреннего напряжения. В тот день он объяснил Салазару и доне Марии, что в результате падения могла образоваться внутричерепная гематома, которая может развиваться и незаметно — в течение нескольких дней, недель или месяцев. Поэтому он попросил незамедлительно с ним связаться, если появятся какие-нибудь странные симптомы. Салазар был спокоен, но выдавал некоторую нерешительность. Доктор Коэлью уже распланировал отпуск: сначала он поедет в путешествие по Рейну, затем в Эльзас и, наконец, в Париж — навестить своего сына Алвару, который работал в университете и занимался исследованиями в области клеточной биологии. Однако он решил отложить поездку и заброниро-

вал номер на 15 дней в Hotel Estoril Sol, расположенном в нескольких километрах от форта.

Это беспокойство было продиктовано причинами не медицинского, а личного характера. Эдуарду Коэлью был лечащим врачом Салазара с 1945 года и испытывал к нему искреннюю симпатию. Он прекрасно изучил физические и психические реакции его организма.

В нескольких письмах, адресованных диктатору, врач описывал себя как «преданного друга, который благодарен за привилегию заботиться о здоровье своего пациента». Салазар же подарил доктору свою фотографию с памятной надписью: «Врач и пациент — это два человека, которые посвящают свою жизнь друг другу до окончательной победы над болезнью и смертью». Вера Салазара в «окончательную победу над болезнью и смертью» объяснялась тем, что Эдуарду Коэлью считался легендой медицины. Он был одним из лучших современных кардиологов Португалии и первым преподавателем кардиологии на медицинском факультете Лиссабонского университета.

Но их связывала и общая история. Оба они были родом из португальской сельской местности, глухой и туманной, архаичной и провинциальной: Салазар — из Бейра-Алта, а Коэлью — из Минью. Доктор часто вспоминал, что в начальных классах ему приходилось каждый день проходить по три километра пешком — от дома до школы. Возможно, еще и поэтому он так не любил дискомфорт. У входа в аудиторию, где он преподавал, Коэлью повесил табличку со словами: «Не обращайтесь на критику, она исходит от близких мне людей».

Коэлью учился в Коимбрском университете вместе с Антониу Эгашем Монишем, получившим в 1949 году Нобелевскую премию за изобретение префронтальной

лейкотомии, которая впоследствии была преобразована американскими хирургами в полноценную лоботомию (с пересечением большого числа нервных волокон). Эдуарду Коэлью защитил докторскую диссертацию под руководством Мониша, стал его ассистентом и женился на одной из его племянниц. Эдуарду был рядом со старшим коллегой в четыре решающих момента: славы, успеха, драмы и смерти. Слава пришла к профессору 28 июня 1927 года, когда он провел первую в истории церебральную ангиографию — метод, позволивший увидеть сосуды головного мозга с помощью рентгенографии с контрастом и обнаружить опухоль. Эдуарду Коэлью находился в проявочной рентген-кабинета: именно он, осознав, что процедура сработала, вскричал: «Эврика! Эврика!» Он был рядом и тогда, когда Мониш стал лауреатом столь желанной Нобелевской премии, принесшей ему международное признание. Кроме того, Коэлью был свидетелем драмы, которая произошла 14 марта 1939 года. На прием к Монишу пришел Габриэл Кодегал де Оливейра Сантуш, который на протяжении 9 лет страдал от психических проблем. Пациент попросил выписать ему более серьезные препараты, но, как только Мониш взял бланк рецепта и приступил к делу, он почувствовал, что ручка выскочила из руки. Это была первая пуля, попавшая в него. После пятой он попытался встать, но Габриэл выпустил в него еще две пули. Эгаш Мониш выстоял перед потоком свинца. У пациента оставался только один патрон. Он выстрелил, но промахнулся. Не заметив этого, он вышел в коридор и принялся кричать: «Я убил доктора Эгаша Мониша!» Через несколько секунд в сопровождении еще одного врача появился Эдуарду Коэлью, который работал на том же этаже. Профессор, лежавший в луже крови, произнес театральным тоном:

«Дайте мне спокойно умереть. Я смертельно ранен. Это чудовище изрешетило меня пулями. Я больше не могу». Эдуарду Коэлью вызвал скорую помощь, которая немедленно прибыла, и профессор Эгаш Мониш выжил. А когда нобелевский лауреат действительно умер, Коэлью тоже оказался рядом. Это был холодный день 13 декабря 1955 года: тогда у Эгаша Мониша случился острый приступ подагры и открылось сильное желудочное кровотечение. Он умер у Коэлью на руках.

С тех пор Коэлью опасался, что и Салазар станет жертвой столь же внезапного приступа. Доктор и диктатор познакомились благодаря семье Серраш-и-Силва из Коимбры — очень близкими знакомыми Салазара. Коэлью тоже сумел с ним подружиться. Салазар как-то даже подарил доктору пару туфель и неоднократно преподносил ему цветы. В Сан-Бенту доктор Коэлью чувствовал себя как дома: созрели ли овощи в огороде, снесли ли куры свежие яйца, привезли ли фрукты из Санта-Комба-Дана — донна Мария всегда приглашала его за стол. Они обедали вместе, и казалось, что они находятся на ферме, а не в резиденции премьер-министра.

Взгляд на море

Монотонная и скучная жизнь форта Санту-Антониу-да-Барра шла своим чередом, как и каждое лето. Последнее публичное выступление Салазара состоялось 13 июля на демонстрации транспортников, державших одинаковые лозунги — «Транспортники благодарят Салазара». 26 июля Салазар и его экономка донна Мария по традиции переехали в Эшторил. Их переезд в форт позволил устроить ежегодную уборку кабинетов в Сан-Бенту. Построенная

по распоряжению Филипе I внушительная крепость с подъемным мостом — она была возведена для защиты устья Тежу — располагалась на Авенида Маржинал, тянущейся от столицы до Кашкайша. В крепости был устроен летний лагерь Института Одивелаш — школы для дочерей военных. Салазар сам оплачивал аренду части здания, которую занимал. Каждый год он составлял контракт с таблицами предстоящих расходов. Для порядка он также велел присылать ему прејскуранты из других пансионатов Португальской Ривьеры, но свой выбор всегда останавливал на Санту-Антониу.

После опасного падения он не скрывал от самых близких, что его мучили головные боли, с которыми он пытался бороться, принимая аспирин. Но основное его внимание было сосредоточено на составе нового правительства, войне в Африке и Пражской весне. Он решил, что посоветует своим министрам не посещать роскошные приемы, запланированные на начало сентября Патињо и Шлюмберже, которые хотели превратить Португалию в центр мирового космополитизма. Первый прием готовил «король олова» — боливийский магнат Антенор Патињо — в Алкойтау, между Кашкайшем и Эшторилом. Затем, уже через день, должно было последовать второе празднество: господин Пьер Шлюмберже, женатый на португалке, собирался устроить его в собственном загородном доме в Коларише. Оба нувориша очень хотели сделать себе имя. Шлюмберже называли «сеньор пять процентов», потому что своим состоянием он был обязан системе исследования скважин, которую изобрели его отец и дядя, Конрад и Марсель Шлюмберже. Ее использовали все крупные нефтяные компании. С каждой добывающей установки он имел те самые 5%.

В действительности же вышло так, что влиятельные люди, прибывшие со всего мира, настолько заполнили аэропорт Лиссабона, что носильщики сваливали груды чемоданов Louis Vuitton на тележки, а затем беспорядочно распределяли их между «роллс-ройсами», ожидающими снаружи. Это вызвало немало стычек среди гостей.

Воспользовавшись приездом такого числа далеко не бедных персон, местные землевладельцы, братья-близнецы Франшишку и Карлуш Палья, организовали сельский фестиваль-аррайл — с быками, танцами, асадо* и накрытыми столами на свежем воздухе. Известная актриса Жа Жа Габор, урожденная Шари Габор, американка венгерского происхождения, была поймана с поличным — в ее чемодане нашлись полотенца из отеля Palace в Эшториле, — и только вмешательство американского посольства спасло известную даму от скандала. Порядок нарушила неугомонная дочь президента Республики Наталия Томаш, решившая принять участие в празднествах: это создало определенное напряжение между двумя высшими должностными лицами португальского государства.

Со взглядом, который все сильнее казался устремленным в пустоту, Салазар прислонился к стене террасы форта Санту-Антониу-да-Барра и обзирал необъятные просторы океана. Затем он, опустившись на очень крепкий и надежный стул, принялся смотреть в бинокль на проплывающие мимо лодки и наблюдать за людьми, загорающими на скалах. Он, должно быть, знал, кто та женщина или тот мужчина: за кем-то из них, возможно, следили агенты политической полиции ПИДЕ, а кто-то уже был однажды арестован и затем освобожден. Эти люди зависели от него,

* Асадо — техника приготовления мяса на гриле или вертеле.

он был залогом как счастья, так и свободы этих людей. И все же эти летние и естественные радости казались ему уступкой, которую он делал народу. Не слишком доверяя теперь другим креслам, он сидел только в кресле «Алабама» — с ножками из бука, большими подлокотниками и обитыми мягким материалом корпусом и спинкой. Несмотря на свою мнительность, в тот месяц Салазар согласился сфотографироваться. В обед он сидел за самым обычным столом: вышитая скатерть, посередине — ваза с цветами. На нем были белая одежда и темный галстук. Он принимал президента Республики Америку де Деуша Родригеша Томаша, чтобы обсудить перестановки в правительстве.

А 15 августа Салазар с расprostертыми объятиями принимал писательницу и журналистку Кристин Гарнье и ее нового мужа, которые решили остановиться на несколько дней в эшторильском отеле. Счет был оплачен премьер-министром из собственного кармана. Еще в 1951 году Кристин Гарнье, побывав в Португалии, написала книгу «Отпуск с Салазаром» (*Vacances avec Salazar*) и познакомила европейцев с этим сдержанным и скромным человеком. Найдя общий язык с писательницей — как говорят, единственной женщиной, к которой он открыто проявлял платоническую любовь, — Салазар впервые заговорил с ней о смерти. Вечный диктатор чувствовал себя все ближе к Творцу, но и сожалел о том, что его собственное творение терпит крах. Он не мог удержать время, хотя его старый карманный хронометр Roskopf никогда не останавливался ни на мгновение, и он сам заботился о том, чтобы ежевечерне заводить его перед сном. Предметы, окружавшие его, оставались неизменными: тот же фотоаппарат Zeiss Ikon, та же кожаная сумка, всегда набитая бумагами и книгами, та же бритва, тот же лосьон после бритья Floid, та же прогулочная

трость, та же ручка, те же точилки — штук 20, не меньше. Он хранил все эти вещи, потому что так он хранил время, которое они отражали, — несмотря на то, что тем летом он почувствовал внезапную потребность ускорить события.

Итак, 19 августа он объявил о создании нового правительства и встретился с новоназначенными министрами. Вскоре, 26 августа, он написал письмо главе самопровозглашенной Биафры, где заверил его в полной поддержке со стороны Португалии независимости этого сепаратистского государства. Однако политическая активность Салазара была обусловлена внутренним чувством, которого он никогда раньше не испытывал, — телесным беспокойством. Кризис случился уже 27 августа, когда голова разнылась так, что он принял аспирин и позвонил врачу. С тех пор головные боли участились.

В самом конце августа, 31-го числа, его крестница Мария да Консейсан де Мелу Рита, известная как Микаш, довольно близкий диктатору человек, также прибыла в форт Санту-Антониу-да-Барра, вернувшись вместе с мужем из отпуска в Алгарве. Она встревожилась, увидев состояние Салазара, а он постарался ее успокоить. На следующий день президент Томаш посетил Салазара и нашел в его хорошем расположении духа. Первое заседание нового кабинета министров состоялось 3 сентября в Лиссабоне. Салазар выглядел молчаливым и отстраненным. На следующее утро ему было трудно подписывать обычную корреспонденцию, почерк стал неуверенным. Ночью диктатора мучили сильные головные боли. Приехавший доктор Коэлью констатировал, что правая нога Салазара не гнется, а память ослабла. На следующий день в форт прибыл доктор Луиш Ферраш де Оливейра, офтальмолог, который осмотрел глазное дно диктатора. По его мнению, существовала вероятность

того, что образовалась гематома, сдавливающая мозг. Тем временем клиническое состояние ухудшалось — начали появляться симптомы гемиплегии с правой стороны, отчего стало понятно, что гематома находится в левом полушарии мозга. В тот момент Коэлью и Ферраш решили обратиться к неврологу Миранде Родригишу и нейрохирургу Морадашу Феррейре, но затем остановили свой выбор на нейрохирурге Антониу де Вашконселуше Маркеше, с которым они и договорились о визите в Эшторил на следующий день, 6 сентября. После тщательного осмотра врач рекомендовал немедленную госпитализацию.

Самая длинная ночь режима

Наступил вечер, закат окрасил небо разноцветными полосами, и тьма постепенно накрыла курортные городки. Мало кто знал, что это был закат португальской империи. Сидя на заднем сиденье машины, рядом с Коэлью и Вашконселушем Маркешем, Салазар смотрел пустым взглядом, не веря в то, что с ним происходит: он считал себя вечным. Впереди сидели водитель Мануэл и начальник ПИДЕ Фернанду Эдуарду да Силва Паиш. По дороге оба врача пытались проверить когнитивные способности диктатора, но тот не мог ответить даже на простые вопросы — в каком университете он учился, в каком году его окончил. Водитель остановил «кадиллак» у дверей лиссабонской больницы Капушос, где врачи уже готовились делать электроэнцефалограмму, и Салазар выбрался из автомобиля сам, но прошел совсем немного: за ним должны были вывезти кресло-каталку. Ему требовалась помощь, и, усевшись, он тихо сказал, обращаясь больше к себе, чем к другим: «Это невероятно, просто невероятно».

Вскоре после этого Салазар с врачами направился в больницу в Сан-Жозе, чтобы сделать рентген. Ни одно, ни другое обследование не позволили поставить определенный диагноз. Было решено поместить Салазара в больницу Красного Креста в Бенфике, куда он прибыл в половине двенадцатого ночи и был размещен в палате 68 на шестом этаже, где освободили целое крыло.

Заместитель государственного секретаря президиума Совета министров Паулу Родригеш приказал цензурным службам вырезать любые новости, касающиеся здоровья премьер-министра. Министр Гомиш де Араужу, поговорив с президентом Республики, заранее привел в боевую готовность некоторые воинские части, а министр внутренних дел Гонсалвиш Феррейра Рапазоте подготовил немедленный план обеспечения безопасности.

В тот вечер, когда «кадиллак» председателя Совета министров покинул Эшторил, сотни гостей со всего мира съезжались в имение, расположенное в нескольких километрах от города, в Алкойтау: начиналась вечеринка «короля олова» Антенора Патиньо. Верхушка режима разделилась — на тех, кто танцевал с миллионерами и аристократами, и тех, кто в тревоге спешил в больницу Красного Креста.

Несомненно, это была самая длинная ночь португальского режима — столь же длинная, как ночь 25 апреля 1974 года, которая привела к Революции гвоздик. С прибытием Салазара в больницу Красного Креста отношениям между диктатором и властью, казалось бы, должен был прийти конец. И если португальская элита переживала эти события с тревогой, то страна спала глубоким сном, не подозревая, что спустя почти полвека наступил неожиданный переломный момент. Врачи тем временем спешили к постели самого «долговечного» диктатора на планете.

Коэлью предложил, чтобы операцию на мозге проводил Морадаш Феррейра — известный оппозиционер, связанный с Португальской коммунистической партией, — но в тот момент доктор находился на Мадейре, и его кандидатура отпала.

Диктатора подвергли всевозможным обследованиям. Врачи были настроены скептически — организм Салазара не справлялся. Вашконселуш Маркеш выслушал мнение выдающегося профессора Алмейды Лимы, также срочно вызванного в больницу Красного Креста, и, по согласованию с собравшимися коллегами, принял решение об операции. Представители власти, собравшиеся в соседней комнате, дали свое согласие. Кардинал Мануэл Гонсалвиш Серейра, наставник Салазара на пути к власти, совершил соборование.

Мария Кристина да Камара сделала анестезию. Салазара отправили в операционную, где, помимо Вашконселуша Маркеша, ждали одетые в операционные халаты Алвару де Атаиде, Лукаш душ Сантуш, Жоржи Манасаш и Фернанду Силва Сантуш. Также присутствовали Эдуарду Коэлью, Алмейда Лима, Биссая Баррету, Лопеш да Кошта, Жуан де Каштру, Ана Мария Монтейру, Жуан Беттанкур и другие. Некоторые из них были известными членами масонских лож: Биссая Баррету, Алвару де Атаиде, медицинский эксперт Фернанду Тейшейру, нефролог Жасинту Симозш.

По странному стечению обстоятельств Салазар оказался под ножом хирурга Алвару де Атаиде, известного оппозиционера. Он был сыном полковника Алвару Паэша де Атаиде, возглавившего вооруженный бунт против диктатуры. Великий магистр масонской ложи, а также ученик первого португальского лауреата Нобелевской премии Эгаша Мониша, Алвару де Атаиде открыто поддерживал любые

шаги оппозиции, включая выдвижение кандидатуры «бесстрашного генерала» Умберту Делгаду на президентских выборах 1958 года, которые закончились его поражением. Затем Делгаду был изгнан из страны и убит 13 февраля 1965 года вместе со своим секретарем, бразильянкой Аражарир Морейрой ди Кампуш, при попытке нелегально проникнуть в Португалию.

Алвару де Атаиде, в хирургических перчатках и с маской на лице, увидел перед собой на операционном столе своего злейшего врага, чью жизнь ему предстояло спасти — и тем самым продлить существование самой старой диктатуры в мире. И тем не менее именно он вскрыл череп Салазара при помощи дрели, переложив на Вашконселуша Маркеша задачу оперировать субдуральную гематому, расположенную в левом полушарии. Операция была проведена всего за два часа. Козлью первым объявил руководству страны, что это была простая гематома, которую благополучно удалили. Затем было решено рассказать о случившемся Португалии и миру, и был составлен медицинский бюллетень, к которому приложила руку цензура: *внутричерепная гематома* превратилась в просто *гематому*, а *утро* — в *ночь*. В девять утра радиогазета Emissora Nacional голосом Педру Моутинью объявила об операции. А в девять вечера был выпущен новый бюллетень с подробностями случившегося: Салазар был «успешно прооперирован по причине субдуральной внутричерепной гематомы», после операции «его состояние улучшается на глазах», восстановление «проходит нормально».

Бюллетень от 8 сентября был еще более оптимистичным: пациент питается нормально, разговаривает с врачами, заживление послеоперационной раны идет хорошо. Несколько дней спустя, чтобы продемонстрировать, что

все в порядке, Салазар принял в больничной палате своих сестер Марту, Марию Леопольдину и Лауру. Благодарственные мессы были проведены в нескольких приходах, даже в часовне больницы Красного Креста: перед входом толпились тысячи людей, чтобы поставить свою подпись под листком с поздравлениями, размещенном в вестибюле. В медицинском бюллетене от 14 сентября сообщалось о вероятном возвращении премьер-министра в свою резиденцию. Вот как Мария да Консейсан де Мелу Рита, верная крестница Салазара, вспоминает свой первый с ним разговор в больнице: «Он не говорил. Мне показалось, что он меня узнал, но я не была уверена. Я навещала его еще несколько раз, и, когда я входила в палату, он говорил односложно и почти всегда невнятно. Не знаю, узнавал ли он меня. Стоит упомянуть о визите Кристин Гарнье — она специально приехала из Парижа. Мне рассказывали, что она испытала потрясение, увидев “сеньора доктора” в таком состоянии». В прошлом она общалась с Салазаром очень тепло, и эта встреча оставила ее «в большом расстройстве».

Несмотря на оптимизм официальных бюллетеней, в народе шептались, что у диктатора нет шансов на восстановление. Москва даже обратилась к оппозиционным силам, посоветовав быть наготове, чтобы объединиться и окончательно свергнуть диктатуру, а подпольная радиостанция Патриотического фронта освобождения призывала к формированию гражданских комиссий на рабочих местах и революционных комитетов, которые должны были функционировать как органы надзора. Но ничего из этого не вышло.

Поворотный момент наступил 16 сентября. Утром Коэлью рассказал Салазару, какую операцию тот перенес.

Профессор Вашконселуш Маркеш не одобрил действий своего коллеги. В обеденный час в палату вошел доктор Алвару де Атаиде. Закончив есть, Салазар, почувствовав резкую головную боль и положив руку себе на лоб, сказал стоящему рядом с ним врачу: «Я очень огорчен. О Господи!» И потерял сознание прямо в кресле. Ему немедленно оказали помощь. Было диагностировано кровоизлияние в правое полушарие мозга, тогда как в прошлый раз было поражено левое. И снова весь португальский политический мир кинулся к постели председателя Совета министров.

* * *

«Течение этого клинического случая и регресс всех симптомов болезни, — пишет доктор Коэлью, — не позволяли предвидеть такое тяжелое осложнение, которое случилось 16 сентября, когда произошла острая церебральная сосудистая катастрофа с кровоизлиянием в правое полушарие. Салазар прижал руку ко лбу из-за сильной боли, воскликнув “О Господи!”, и тут же впал в кому. Немедленное вмешательство доктора Атаиде, который уже находился в палате пациента, способствовало преодолению кризиса. Я прибыл через несколько минут. Мы снова вызвали нейрохирурга профессора Алмейду Лиму, а затем и других врачей».

Время перемен

17 сентября в 5 вечера в Беленском дворце, резиденции президента Португалии, состоялось заседание Государственного совета под председательством формального главы государства Америку Томаша. На этом заседании

присутствовали представители высшей власти. В своем докладе Томаш предложил заменить Салазара: врачи были единодушны в своем вердикте, что он не сможет вернуться к исполнению функций главы администрации. В ходе последовавших дебатов Мариу де Фигейреду, президент Национальной ассамблеи, выступил за то, чтобы отложить выбор преемника; Антониу Фуртаду душ Сантуш, второй вице-председатель Национальной ассамблеи, заявил, что он против скоропалительной замены; Фернанду Пиреш де Лима, первый вице-президент Корпоративной палаты, решительно воспротивился замене; Албину Суариш Пинту душ Реиш проголосовал за выборы нового председателя; Марселу Каэтану высказался за временного председателя без немедленного назначения преемника; Жуан Пинту да Кошта Лейте посчитал, что неприлично подыскивать замену Салазару, пока тот еще жив, и что следует оставить за президентом право назвать критерии выбора подходящего кандидата; генерал Фернанду Сантуш Кошта заявил, что Салазар должен умереть в своей должности и со всеми полномочиями; адмирал Мануэл Ортиш де Бетанкур также делегировал выбор Америку Томашу; Педру Теотониу Перейра высказался против идеи замены еще живого Салазара; Жозе Суариш да Фонсека также был против немедленной замены; Жуан Антунеш Варела заявил, что основополагающие принципы государства должны оставаться незыблемыми. Под конец пожизненный член Государственного совета и личный советник Салазара Клотариу Луиш Супику заявил, что выступает за временное назначение человека, который впоследствии станет постоянным председателем.

Это была бурная и ожесточенная дискуссия. Именно Марселу Каэтану указал на возможное промежуточное

решение: в Органическом законе государства* было прописано назначение временного исполняющего обязанности председателя Совета министров во время войны. В ходе дебатов обсуждался даже вопрос о похоронах Салазара. Суариш да Фонсека предлагал определить место погребения, но Америку Томаш сообщил, что председатель Совета министров уже выразил желание упокоиться там, где он родился. Кроме того, президент отметил, что его тоже отталкивает идея о немедленной замене Салазара, но первостепенные интересы нации требуют, чтобы это было сделано как можно скорее. Поэтому он оставил за собой право выслушать каждого члена Государственного совета в ходе частной аудиенции, чтобы решить, кто способен занять пост председателя.

По предложению американского посла, к которому обратились представители португальской власти, Салазара посетил Хьюстон Мерритт, профессор неврологии и декан Колледжа врачей и хирургов Колумбийского университета в Нью-Йорке, где в 1964 году сам Коэлью прочитал две лекции. Не прошло и двух суток после приглашения, как американский невролог прибыл в Лиссабон; 18 сентября он опубликовал заявление, в котором отметил: «К сожалению, возвращение [председателя Совета министров] к обычной деятельности было внезапно прервано два дня назад церебральной сосудистой катастрофой — кровоизлиянием в правое полушарие головного мозга. Это кровоизлияние не было связано с субдуральной гематомой, от которой он страдал ранее, а стало следствием разрыва сосуда в мозге. Председатель Совета министров отважно

* Органическое законодательство — это законодательство, регулирующее основы государственного строя и равное по силе конституции.

борется с болезнью. В первую очередь благодаря своему огромному мужеству и силе воли он сумел пережить первое поражение мозга. Несмотря на всю тяжесть ситуации, есть надежда, что он переживет и второе».

Пессимистическая оценка профессора Мерритта, осторожно употребившего глагол «пережить», вызвала тревогу в политическом мире Португалии. Обсуждался вопрос о временном заместителе, что предлагал также и Коэлью. В Беленском дворце постоянно толклись врачи — то приезжали, то уезжали. Также были проведены консультации с четырьмя специалистами международного уровня. Папа Павел VI послал Салазару апостольское благословение. А 25 сентября Америку Томаш в сопровождении врачей отправился в палату номер 68 больницы в Бенфике. От имени команды медиков Вашконселуш Маркеш заверил главу государства, что Салазар не выживет или, в лучшем случае, будет пребывать в таком состоянии, что не сможет выполнять свою роль. Алмейда Лима и Миранда Родригиш также были согласны, что повреждения необратимы, в то время как Эдуарду Коэлью указал на возможность улучшения состояния или даже возвращения к нормальной жизни. Профессор Мерритт поддержал мнение о необратимых изменениях.

В Беленском дворце состоялось еще одно совещание. По мнению ведущих докторов, выход из комы еще не был победой: тяжким последствием могла стать гемиплегия — паралич правой или левой половины тела. Один из врачей заявил, что существуют две основные гипотезы: либо Салазар не выживет, либо у него останутся тяжелые нарушения, например деменция. Обращаясь к президенту Республики, Коэлью решительно протестовал против этого диагноза, хотя и признавал, что в таком состоянии Салазару

будет трудно оставаться на посту премьер-министра — во всяком случае, поначалу. Сам Коэльо рассчитывал, что интеллектуальные способности диктатора восстановятся на 80–90%, а двигательные — на 60–70%. К нему не прислушались, и его мнение было отвергнуто руководством учреждения. Вашконселуш Маркеш заявил, что Салазар в лучшем случае останется инвалидом.

Будучи в коме и все еще находясь в палате 68 больницы Красного Креста, Салазар был заменен на посту премьер-министра. Президент Республики выслушал мнение военных, которые гарантировали сплоченность вооруженных сил даже в том случае, если на должность председателя Совета министров будет избрано гражданское лицо. Еще 25 сентября Томаш втайне сообщил Марселу Каэтану, что выбор падет на него. А ночью 26 сентября он объявил по радио и телевидению об освобождении Антониу Салазара от должности и о назначении на этот пост Марселу Каэтану, который 27 сентября был официально утвержден новым председателем Совета министров — спустя 40 лет, 4 месяца и 28 дней правления Салазара.

В своей официальной речи Каэтану отметил, что до сих пор страной управлял гениальный человек, но отныне ею будет руководить правительство, состоящее из обычных людей, таких же как и все. В палате 68 больницы Красного Креста заканчивалась агония диктатуры, длившейся с начала XX века. За этим неожиданным закатом наблюдала со свирепой гримасой на лице донна Мария, которая занимала палату через две двери от покоев великого больного и неизменно стояла у его постели или в коридоре, выходя только для того, чтобы помолиться в больничной часовне. Она отдавала строгие приказы всему медицин-

скому персоналу и выбирала тех, кому будет позволено приблизиться к палате 68.

На первом заседании Совета министров Каэтану предложил, чтобы Салазар, уже имевший Большой крест ордена Башни и Меча, был награжден также орденом Генриха Мореплавателя, который вручался только главам государства. Ему также были гарантированы пожизненная рента и возможность проживания в Сан-Бенту. Между тем он по-прежнему находился в больничной палате в Бенфике с Вашконселушем Маркешем, который лишь пожимал плечами: «С точки зрения медицины он должен быть уже тысячу раз мертв. Если он сопротивляется, то лишь благодаря своему сердцу и силе воли».

* * *

В потоке бреда, который исходил из уст Салазара в палате 68, разве что дона Мария могла разобрать одно-сложные слова. Она прислушивалась к невнятному лепету диктатора и понимала, что он хотел сказать. В его голове умещалось все Новое государство — но голова была больна. На вопрос, почему в Сан-Бенту так мало книг, Салазар неизменно отвечал: «Я держу книги в голове, мне не нужно держать их на полках».

Когда цензура позволила публиковать новости о колониальных столкновениях — только в виде некрологов, крайне редко это были озаглавленные материалы из одного-двух абзацев, — диктатор наклонялся над газетной страницей, чтобы прочитать имена павших, затем выписывал их на маленький листок бумаги и смотрел на буквы, пока они не укладывались у него в голове. Только после этого он медленным жестом выбрасывал газету в урну, как бы отправляя души упомянутых лиц в рай, который, по его

мнению, был уготован тем, кто сражался и погиб за свою страну, христианство и миссию Португалии в мире. В его мемориальном архиве был собран полный список погибших в колониальных дебрях, где молодые люди и совсем юноши из Португалии защищали угасающую империю. И если другие колониальные державы уступили давлению со стороны местных, предоставляя независимость территориям, разбросанным по континентам (Великобритания создала в 1931 году для этой цели Содружество наций), то Салазар отвечал, что история Португалии диктует сохранение колоний. «Мы — народ, который нелегко и даже болезненно переносит крупные вливания новых идей», — оправдывался он. А как же народы покоренных заморских земель, поставленные на колени инквизицией?

Салазар размышлял о своем политическом пути, и, пожалуй, чаще всего в его жалком бормотании звучало слово *неблагодарность*. Те, кто сражался теперь против Португалии, учились в школе, которую он высокопарно назвал «Дом учащихся Империи». Она располагалась в саду Арку-ду-Сегу в Лиссабоне. Десятки и сотни стипендиатов из колоний прошли через это заведение: Амикар Кабрал, уроженец Бафаты, второго города Гвинеи; анголец Агоштинью Нето, который после окончания медицинского факультета в 1958 году воевал против Лиссабона; другой анголец, Марио Пинту де Андраде, филолог, поэт, как и Нето, которому удалось даже поступить в Сорбонну; Алда Эшпириту Санту, поэтесса из Сан-Томе...

Он позволил им считать себя частью великой истории Португалии, познакомиться со столицей, учиться в строгих аудиториях университетов Лиссабона и Коимбры, проникнуться культурой и овладеть профессией — а теперь они восстали против привилегий и прочих милостей, которые

даровал им народ Генриха Мореплавателя! На деле же доступ к образованию был очень ограниченным и контролировался. Например, жителей Португальского Тимора до 1970 года зачисляли в лузитанские университеты только по два человека в год. «Нельзя ожидать от нас совмещения цивилизаторских действий и деятельности в мировой истории», — открыто заявил диктатор, отмечая, что судить действия Португалии по отношению к колониям должен Бог. «За Анголу, за Мозамбик, за Гвинею! Вперед!» — бормотал он в полубреду. «Великие державы, — сказал он однажды в эфире Emissora Nacional, — должны понять, что единственное решение для Африки — португальское. Остаться там, преодолеть трудный этап. Независимость — дело очень небыстрое. Европе потребовались столетия, чтобы стать сегодняшней Европой. В Африке на это уйдет много времени — возможно, 300 лет. Примитивные народы не могут быстро перейти от одной стадии к другой».

Он хорошо помнил их имена, даже в беспамятстве, казалось, затуманившем его разум. Время от времени он открывал глаза, выступал на воображаемых импровизированных митингах в палате 68 больницы Красного Креста. Затем умолкал, потому что у него в голове крутились списки ПИДЕ. Он хотел знать имена и фамилии тех, за кем следили, кого преследовали, сажали в тюрьму, пытали. Он изучал их одного за другим, рассматривал фотороботы, пытался понять, почему они так упорно придерживались своих идей, — но затем разрывал очередной список, переданный ему Силвой Паишем, директором ПИДЕ. Это были напечатанные на машинке и размноженные на ротаторе страницы, которые почти сразу желтели, а чернила на них выцветали. Ему нравилось гладить отпечатанные слова, не пачкая кончики пальцев. Он словно

ласкал лица людей, запечатленных на фотографиях. Еще в 1933 году, в год создания Нового государства, он организовал ПВДЕ (Полицию надзора и защиты государства — *Polícia de Vigilância e Defesa do Estado*), позже, в 1945 году, преобразованную в ПИДЕ, которая стала его глазами и ушами, — и теперь он мог контролировать каждый вдох и выдох народа. Методы физических и психологических пыток, к которым прибегала ПИДЕ тогда, когда ей вздумается, воспринимались Салазаром как «здоровые психические реакции». Он установил непосредственные отношения с гестапо и пригласил нациста Йозефа Крамера, высокопоставленного эсэсовца, провести специальный курс по пыткам. Капитана Крамера, коменданта концентрационных лагерей Нацвейлер-Штрутгоф, Аушвиц II / Биркенау и Берген-Бельзен, прозвали Бельзенским зверем за жестокость по отношению к заключенным: их безжалостно убивали, а трупы сваливали в кучу. Впрочем, Салазар отвергал некоторые нацистские методы, предпочитая пытки бессонницей или водой.

Перед его глазами открылся целый мир: ему не нужно было путешествовать, не нужно было встречаться с людьми, не нужно было лететь на неустойчивых самолетах или плыть на тихоходных кораблях в далекие края, не нужно было посещать экзотические города с напыщенными названиями вроде Лоренсу-Маркиш или Порту-Амелия (в честь последней португальской королевы), не нужно было бродить по отдаленным колониальным центрам наподобие Макао или Дили. Эти отпечатанные листы рассказывали диктатору о быте каждой улицы, каждой школы, об условиях жизни обитателей колоний и тех, кто, спасаясь от слишком пристального внимания ПИДЕ, бежал в более отдаленные земли, не зная, что и там донос-